

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава двенадцатая

Плоды просвещения

Невкусное любимое блюдо

В начале 1942 года, когда мы еще жили на хуторе, бабушка провела для нас сеанс спиритизма. Написала на листе бумаги все буквы алфавита, нарисовала на краю донной стороны блюдца стрелку и вызвала почему-то дух Тараса Шевченко. Блюдце, движимое потусторонней силой (и бабушкиными руками, хотя сама бабушка уверяла нас, что не она блюдце двигает), стало ползать от буквы к букве, из которых на естественный вопрос составилась ответ, что война закончится победой Красной армии 20 февраля 1944 года.

В декабре 43-го, когда отец вез меня, полуживого, домой в деревню, перелом в войне после Сталинградской битвы уже наметился, но было очевидно, что даже классики из загробного мира могут ошибаться в прогнозах. До конца не каждому суждено было дожить не только на фронте, но и в тылу. Вот и со мной в голодном Управленческом городке, если бы не приехал отец и не забрал меня оттуда, неизвестно, что стало бы. Мать, увидев меня, вскрикнула, но сделала вид, что ее вскрик относится не ко мне, а к чему-то стороннему. А я понял, что как раз ко мне он и относится, но никак не отреагировал: долгий голод делает человека бесчувственным. — Ничего, — сказала мама, — я тебя откормлю. Ты поправишься, вот увидишь...

Мама говорила со мной так, как говорят со смертельно больным — сами не веря в то, о чем ему говорят. Но мне было все равно, поправлюсь я или нет. Совсем все равно. Не помню, сколько прошло времени, пока не вернулось ко мне ощущение радости жизни. До того я лежал, равнодушный ко всему, и даже друг мой гусь Гулька, когда лез клювом мне в ухо, меня не радовал. Мама потом рассказывала, что я спал с открытыми глазами и так тихо, что она, желая убедиться, дышу ли я еще, подносила к моим губам зеркало.

Я дышал. И ел. И отъедался. Ради меня была зарезана свинья Машка. Я отъедался и вскоре не то чтобы стал привередливым (этого во мне нет и сейчас), но мог проявить уже какие-то предпочтения в еде. И когда мама однажды спросила, чего мне хочется больше всего, я попросил приготовить мне мое любимое блюдо — блинчики из картофельных очисток. Одной из прочитанных мной еще на хуторе книг был сборник рассказов Джека Лондона, а в нем «Любовь к жизни», произведшая на меня сильнейшее впечатление. Он, как я потом узнал, был одним из любимых рассказов Ленина, так что наши с Владимиром Ильичем вкусы в данном случае совпали. Рассказ этот — о золотоискателе, который во время своих злоключений так изголодался, что, оказавшись в конце концов, на спасшем его корабле и получая там вполне достаточное питание, крал сухари, прятал в сундук и не мог остановиться. Я сухари не крал и не прятал, но поныне испытываю душевное неудобство, когда приходится (а куда денешься?) выбрасывать заплесневелый хлеб. Или когда вижу, как кто-то слишком толсто чистит картошку. Я никакой морали из этого не вывожу, но при виде ножа, безжалостно корняющего картофелину, отвожу глаза в сторону.

Мама к моему заказу сначала отнеслась недоверчиво, считая, что это блажь. Я настаивал. В конце концов, она уступила и пожарила блинчики на сале зарезанной Машки. Я взял блинчик, откусил — и выплюнул. Отвратительнее этого я ничего никогда не пробовал.

ГЕННАДИЙ НОВОНИЛОВ

Экстрим военного времени

Поправляясь, я заметил: то же самое происходит и с мамой. Папа сказал, что мама ожидает ребенка. Я удивился не тому, что мама ожидает, а тому, что про себя папа того же не сказал. Выходило, что мама ожидает, а он вроде бы нет. И про себя я решил, что буду ожидать вместе с мамой. Я ожидал, разумеется, братика.

Пока я ожидал этого события, пришло другое, нежданное. Родители объявили мне, что мы переезжаем в деревню под Вологодой, где работает председателем колхоза мамин брат дядя Володя, Владимир Климентьевич Гойхман. Опять проявилась цыганская натура моих родителей (больше отца, чем матери): ни с того, ни с сего срываются с места и тащатся куда-то с жалкими пожитками, преодолевая трудности, на которые могут сегодня добровольно согласиться только отчаянные экстремалы. Наверное, перед поездкой велась какая-то переписка с дядей Володиной, в которую меня родители не посвящали. Надежда на то, что дядя Володя сможет улучшить качество нашей жизни, была иллюзорная. Так или иначе, мы собрались. Гулька, моего закадычного друга, оставили соседям, мама взяла с них слово, что они гуся не зарежут. Я думаю, что слово было взято для очистки совести...

Современному человеку вообразить невоз-

Мой брат Эмка показал себя знатоком не только школьных предметов. Именно он объяснил мне, откуда берутся дети. Мои собственные сведения на сей счет были к тому времени половинчаты. Я знал, что детей рожают женщины, но даже не подозревал, что в процессе зачатия участвуют и мужчины...

можно, что представляли собой тогдашние путешествия по железной дороге, когда поезда брались штурмом, а вагоны набивались народом, несчастным, грязным, вшивым и вороватым. Москва как режимный город для транзитных пассажиров была закрыта. У нас были пересадки в Куйбышеве, в Сызрани, в Горьком и в Ярославле. Где-то мы пересаживались с поезда на поезд на том же вокзале, где-то надо было перебраться с одного вокзала на другой и там ждать поезда часами и сутками. В Сызрани мы провели ночь на кафельном полу. Я вместо подушки подложил под голову мешок с напеченными мамой в дорогу пирогами, а когда проснулся, мешка не было. Воры тащили все, что могли.

В Горьком от станции Спалье до главного вокзала мы шли по льду через Волгу. Вообразите, что собой представляла наша команда: мать на девятом месяце, отец-инвалид и я, полудохлый мальчишка.

Наша новая семья

Ехали-ехали, приехали. В Вологде нас встретил дядя Володя. Легкие сани с запряженной в них резвой лошадкой ожидали нас прямо на перроне. По раскатанной снежной дороге мы быстро пролетели двенадцать километров и въехали в Назарово — деревушку на высоком правом берегу реки Тошня. Деревня выгодно отличалась от тех, что я видел до того времени. Здесь избы стояли высокие, иные в два этажа, и все с теплыми уборными внутри.

Семья дяди Володи состояла из пяти человек. Он сам, жена тетя Соня и трое сыновей 15, 9 и 5 лет, которым он испортил жизнь, дав еврейские имена Юдий, Эммануил и Колман. Старшему впоследствии удалось переименоваться в Юрия, младшему — в Николая, а средний формально остался Эммануилом, но когда вырос и стал строительным начальником, подчиненные звали его для простоты Михаилом Владимировичем. Меня поселили в одной комнате с Эммануилом.

Первый учитель

Сначала я с Эмкой держался снисходительно, все-таки два года разницы в возрасте давали мне такое право, но вскоре уверился, что младший брат во всех отношениях меня образованнее. Он стал моим учителем, опекуном и даже нянькой. По вечерам перед сном он мне рассказывал русские народные сказки, причем все очень скабрзные, которые знал в большом количестве. Я не мог представить, откуда Эмка знал их столько, и лишь в зрелом возрасте понял, что сказки были афанасьевские — брат их просто прочел в книге из отцовской библиотеки.

Утром тетя Соня выдавала нам по куску серого хлеба, граммов сто пятьдесят, и мы отправлялись в школу в деревню Новое. В деревенских школах тогда обычно учились первый класс вместе с третьим и второй с четвертым. Эмка учился во втором, а я, пропустив два класса, пошел, уже в конце года, в четвертый. Я плавал по всем предметам и остался бы на второй год, если бы не Эмка, знавший на отлично все, чему учили в четвертом, и охотно ставший меня натаскивать. Полукторакилометровый путь мы обычно преодолевали часа за два, разговаривая о том, о сем. Заодно Эмка помогал мне освоить дробь. Чертил цифры на снегу и терпеливо объяснял, почему одна вторая больше, чем

четыре десятых. С его помощью я быстро догнал и перегнал одноклассников. Это оказалось нетрудно: все они были ребята туповатые. Самыми тупыми были две дылды-близняшки, носившие не только нормальные собственные имена, но и общее прозвание Паладурки (то есть Полудурки). Им, второгондникам в каждом классе, было уже лет по шестнадцати, формы у них вполне развились, но к учению они были катастрофически неспособны. Когда учительница Клавдия Николаевна вызывала к доске любую из Паладурок и предлагала разделить двенадцать на четыре или показать на карте, где находится Москва, их лица покрывались разноцветными пятнами, они потели и не могли произнести ни слова. Притом и Клавдия Николаевна была человеком не слишком обширных знаний, над чем мы с Эмкой между собой потешались. Часто перед началом занятий она проводила с нами краткие политзанятия, читала газетные сообщения о положении на фронте и основных мировых событиях. Поскольку почти везде шла война, сообщения о событиях в одном месте часто приходили из другой географической точки. Например: «Стокгольм. Здесь в дипломатических кругах распространяются слухи, что в Румынии готовится государственный переворот».

Я поднимаю руку: — Клавдия Николаевна, а где находится Стокгольм? Она секунду мешкает, возвращается глазами к заметке и — вот ответ: — Стокгольм? В Румынии. Мы с Эмкой переглядываемся и подмигиваем друг другу, очень довольные... Эмка показал себя знатоком не только школьных предметов. Именно он объяснил мне, откуда берутся дети. Мои собственные сведения на сей счет были к тому времени половинчаты. Я знал, что детей рожают женщины, но даже не подозревал, что в процессе зачатия участвуют и мужчины. Эмка рассказал мне, что муж и жена по ночам раздеваются догола, он ложится на нее, и они, как Эмка сказал, «...утся».

То, что он произнес это слово, меня шокировало. Слово я знал, и сам матерился до восьми с половиной лет. Но когда мы приехали перед войной в Запорожье, где я познакомился с Севой и Витей, они мне объяснили, что такие слова говорить нельзя, их произносят только хулиганы и темные грубые люди. В Назарове таким темным грубым человеком был старик Проворов, который ездил на полудохлой лошади, нещадно сек ее кнутом и выкрикивал слова, не имевшие, как я думал, никакого реального смысла. Но, оказывается, смысл у этих слов очень даже имелся, и глагол, которым Эмка обозначил действия, проводимые по ночам мужьями и женами, означает...

Эмка даже нарисовал на снегу что-то наглядное.

Я к его рассказу отнесся с большим недоверием. Эмка рассердился.

— Ты что, никогда не видел, как ...утся собаки и коровы?

О, да-а! Это я, конечно же, видел! Но собаки и коровы — животные, которые лежат в лужах, роются в мусоре, могут сжевать висящее на веревке белье и вообще могут позволить себе все, что угодно. Чтобы «этим» занимались взрослые приличные люди, например, дядя Володя и тетя Соня, тем более мои родители — я представить себе ну никак не мог.

— Ты все врешь! — сказал я Эмке.

— А вот и не вру.

— Врешь!

Спор довел нас до драки, и я разбил своему учителю нос.

Продолжение следует